

Беларусы Латвіі. Мінулае і сучаснасць

Беларуская гісторыя і культура ў Латвіі

**Что рассказывает нам «Хроника
Генриха из Леттии» о подданных
полоцкого князя Владимира князе
Всеволоде из Герикэ (Ерсики) и
Вячко, князе Кукенойса (Кокнесе)**

Олег Пухляк,
член правления
Рижского славянского исторического общества,
Латвия, Рига

2016 год

После распада Киевской Руси власть Рюриковичей над Прибалтикой ослабла, сразу после раздела единого государства на уделы даже вообще прекратилась. В дальнейшем земли Восточной Прибалтики оказались под контролем Псковской земли и Полоцкого княжества. Недостатка в землях Псков и Полоцк не испытывали. Для них гораздо важнее было эффективно осуществлять торговые контакты с Западом.

Следует иметь в виду, что в XII - начале XIII века русские купцы встречались на морских путях Балтики так же часто, как готские, шведские, немецкие. Известно о пребывании русских купцов в Дании, а на Готланде они даже имели торговые поселения. Для успешного осуществления торговых контактов важно было контролировать коммуникации, ведущие из Руси на Запад. В средневековье главные коммуникации – реки. В числе важнейших рек Восточной Прибалтики – Гауя и Даугава (русское название Западная Двина, в отличие от Северной, впадающей в Белое море). Контроль над торговлей по Гауе осуществляла Псковская земля, торговля по Даугаве контролировалась Полоцким княжеством. Полоцкие князья потратили огромные усилия для установки по всему течению реки так называемых «Двинских камней», призванных быть ориентирами для успешной навигации.

Для удержания контроля над речным путем Полоцком были основаны города Кукенойс и Герцике, которые потом превратились в особые удельно-княжества. Большинство современных историков считают, что это современные Кокнесе и Ерсика, соответственно.

После того, как крестовые походы распространились и на Восточную Прибалтику, начинаются столкновения немцев с полоцкими князьями, и в первую очередь – с Кокнесе и Ерсикой. Чуть позже в круговорот событий были вовлечены Новгород и Псков. События тех лет наиболее подробно изложены в написанной на латыни хронике, принадлежащей перу монаха Генриха. В латышской советской историографии летописец известен под именем Генрих Латвийский, Генрих Латышский или Генрих из Леттии, в современной латышской историографии – Индрикис Латыш. Сам летописец лишь единожды называет себя по имени и использует для этого выражение Генрих из Леттии - Henricus de Lettis.

В хронике довольно подробно рассказывается о правивших в те годы в Ерсике и Кокнесе князьях. В первом городе - Wissewaldus, во втором – Vetseke. Часто имена объясняются через латышский язык, в том ключе, что в первом случае следует читать «Висвалдис», во втором – «вещакайс», то есть – старейший, старейшина. Впрочем, следует иметь в виду, что и князь полоцкий Владимир в хронике проходит под именем Woldemaro de Ploseke. Необходимо также не забывать, что древнерусский язык стремился наполнить гласными каждое слово до предела. Поэтому имя Владимир произносилось скорее как Володимире, Всеволод – Высеволоде, Вячко – Вячеко. Полоцк – Полотеск, а Псков – Плесков и т.д. Помимо хроники Генриха, известий о Всеволоде и Вячко не так уж и много. Наиболее подробные сведения собраны Татищевым, однако он не был придворным летописцем как Карамзин, ряд положений

Татищева признается спорным. Поэтому сегодня существует несколько вариантов реконструкции родословия Всеволода и Вячко. Порой их называют родными братьями.

И еще. Как правильно идентифицировать национальность Вячко и Всеволода? В то время не было ни русских, ни белорусов, ни украинцев в нашем современном понимании. Складывание наций – вопрос сложный длительный и относится отнюдь не ко средневековью. Безусловно, для того времени правильнее говорить о «древнерусской народности», когда не было ещё русских, белорусов и украинцев в современном понимании. Поэтому папа Климент III в 1188 г. утверждал епископство Икскюль (Икшкиле) in Ruthenia; папа Гонорий III в 1224 г. именует ливонских епископов с их сотрудниками *fideles per Russiam constituti*, а папа Урбан IV в 1264 г. считал восточную Латгале лежащей в *Russiae*. Генрих в своей летописи говорит о русских князьях и русских городах. Поэтому в рассказе о подданных полоцкого князя, живших в Ерсике и Кокнесе использованы те варианты имён и национальной идентификации, которые использовались современниками событий.

Князь Всеволод Ерсикский

В 1201 году Рига была обнесена каменной стеной. Епископ Альберт мог чувствовать себя более уверенно и через два года на торговцев, спускавшихся вниз по течению Даугавы «...подойдя на кораблях, напали на них, и после того как двое, а именно лоцман и капитан, были схвачены и преданы жестокой смерти, прочие принуждены были вернуться». Так пишет ливонский летописец Генрих. Судя по всему, епископ Альберт стал оставлять себе дань с ливов, которая до этого выплачивалась в Полоцк. То ли решив отомстить за купца, то ли напоминая о невыплаченных податях, летом 1203 года «...внезапно явился в Ливонию король полоцкий с войском и осадил замок Икесколу (Икшкиле)... Получив деньги, король прекратил осаду. Между тем тевтоны, посланные епископом с самострелами и оружием, заняли замок Гольм (у современного Саласпилса) и, когда пришел король, чтобы осадить и этот замок, они переранили у него множество коней и обратили в бегство русских, не решившихся под обстрелом переправиться через Двину.

Король Герцикэ (Gercike), подойдя к Риге с литовцами, угнал скот горожан, бывший на пастбищах, захватил двух священников, Иоанна из Вехты и Вольхарда из Гарпштедта (Harpenstede), рубивших с пилигримами лес у Древней Горы, а Теодориха Брудегама, погнавшегося за ним с горожанами, убил».

Здесь следует заметить, что в отличие от Новгорода и Пскова, в отличие также от кокнесского Вячко, Всеволод от набегов литовцев не страдал, более того, часто с ними сотрудничал. Ларчик открывался просто. Его тестем был Даугерутэ – один из виднейших литовских вождей.

Поход под Ригу в 1203 году на первых порах сошел Всеволоду с рук. До него еще было далеко. Но после того, как епископ Альберт разделался с Вячко, настала пора и Всеволода.

Осенью 1209 года епископ Альберт «...собрал на совет разумнейших из своих и внимательно обсудил с ними, каким образом избавить молодую церковь от козней литовцев и русских. Вспомнив все зло, причинённое королем Герцикэ, вместе с литовцами, городу Риге, ливам и лэттам, решили итти войной против врагов рода христианского. Ибо король Всеволод (Vissewalde) из Герцикэ всегда был врагом христианского рода, а более всего латинян. Ой был женат на дочери одного из наиболее могущественных литовцев, <http://livonia.narod.ru/chronicles/henricus/foot-note/foot-note81-90.htm> - 89 будучи, как зять его, для них почти своим, связанный с ними сверх того и дружбой, часто предводительствовал их войсками, облегчал им переправу через Двину и снабжал их съестными припасами, шли ли они на Руссию, Ливонию или Эстонию. Власть литовская до такой степени тяготела тогда надо всеми жившими в тех землях племенами, что лишь немногие решались жить в своих деревушках, а больше всех боялись лэтты. Эти, покидая свои дома, постоянно скрывались в темных лесных труппах, да и так не могли спастись, потому что литовцы, устраивая засады по лесам, постоянно ловили их, одних убивали, других уводили в плен, а имущество все отнимали.

Бежали и русские по лесам и деревням пред лицом, даже немногих литовцев, как бегут зайцы пред охотником, и были ливы и лэтты кормом и пищей литовцев, подобно овцам без пастыря в пасти волчьей... так как Герцикэ всегда был ловушкой и как бы великим искусителем для всех, живших по этой стороне Двины, крещеных и некрещеных, а король Герцикэ всегда был враждебен рижанам, воюя с ними и не желая заключить мир, епископ направил свое войско к его городу. Русские, издали увидев подходящее войско, бросились к воротам города навстречу, но когда тевтоны ударили на них с оружием в руках и некоторых убили, те не могли сопротивляться и бежали. Преследуя их, тевтоны ворвались за ними в ворота, но из уважения к христианству убивали лишь немногих, больше брали в плен или позволяли спастись бегством; женщин и детей, взяв город, пощадили и многих взяли в плен. Король, переправившись в лодке через Двину, бежал со многими другими, но королева была захвачена и представлена епископу с ее девушками, женщинами и всем имуществом. Тот день все войско оставалось в городе, собрало по всем его углам большую добычу, захватило одежду, серебро и пурпур, много скота, а из церквей колокола, иконы, прочее убранство, деньги и много добра и все это увезли с собой, благословляя бога за то, что так внезапно он дал им победу над врагами и позволил без урона проникнуть в город. На следующий день, растащив все, приготовились к возвращению, а город подожгли. Увидев пожар с другой стороны Двины, король был в великой тоске и восклицал со стонами, рыдая: «О Герцикэ, милый город! О наследие отцов моих! О нежданная гибель моего народа! Горе мне! Зачем я родился, чтобы видеть пожар моего города и уничтожение народа моего!»

После этого епископ и все войско, разделив между собой добычу, с королевой и всеми пленными возвратились в свою область, а королю было предложено придти в Ригу, если только он еще хочет заключить мир и получить пленных обратно. Явившись, тот просил простить его проступки, называл епископа отцом, а всех латинян братьями по христианству и умолял забыть прошлое зло, заключить с ним мир, вернуть ему жену и пленных; он говорил, что огнем и мечом тевтоны весьма жестоко наказали его. Епископ, как и все его люди, сжалившись над просящим королем, предложил ему условия мира в таких словах: «Если ты согласишься впредь избегать общения с язычниками, не будешь пытаться вместе с ними разрушить нашу церковь, не станешь вместе с литовцами разорять землю твоих русских-христиан, если ты согласишься принести свое королевство в вечный дар церкви пресвятой Марии, так чтобы вновь получить его уже из наших рук, и вместе с нами наслаждаться постоянным миром и согласием, тогда только мы отдадим тебе королеву со всеми пленными и всегда будем верно оказывать тебе помощь». Иными словами, типичный для средневековья договор вассально-ленной службы. Впрочем. Имея жену в заложниках, выбирать не приходилось.

Впрочем, для Всеволода это была только отсрочка, вызванная неуверенность Альберта в своих силах. Постепенно круг сужался. В 1213 году Даугерутэ совершил казалось невозможное. Рискуя он сам лично «...с большими дарами отправился к великому королю новгородскому и заключил с ним мирный союз». Если до этого набеги литовцев на псковско-новгородские земли были чуть ли не ежегодной традицией, то сейчас две мощные силы могли объединить усилия против Альберта. Но тот был хорошим политиком и приложил все усилия, чтобы на обратном пути схватить Даугерутэ. Пленник был брошен в тюрьму в Вендене (Цесисе), где вскоре «...сам пронзил себя мечом».

После этого можно было вплотную заняться и Всеволодом. В 1214 году «...рыцари из Куkenойса, Мейнард, Иоанн, Иордан и другие, обвиняли короля Герцикэ Всеволода в том, что он уже много лет не является к отцу своему епископу, после того как получил от него свое королевство, а в то же время постоянно помогает литовцам и советом и делом. Они не раз обращались к нему, требуя удовлетворения, но тот, не обращая на это внимания, и сам не являлся, и с ответом не присылал. Тогда рыцари, спросив сначала совета у епископа, собрались со слугами своими и лэттами и пошли вверх по Двине. Уже поблизости замка Герцикэ они поймали одного из русских, связали и ночью потащили с собой к замку. Он первый, как было велено перебрался через ров и заговорил со сторожевым, а другие поодиночке следовали за ним. Сторожевой думал, что это идут свои, бывшие в отсутствии горожане, а они между тем один за другим взбирались наверх, пока наконец все не оказались в верхней части укрепления. Тогда, собравшись вместе, они окружили замок по всему валу стражей и никому из русских не давали выйти оттуда, пока не рассвело. С рассветом они сошли в замок и захватили все, что было там, многих взяли в плен, а другим не мешали бежать. С большой добычей они покинули замок, возвратились домой и разделили между собой все захваченное».

В следующем 1214 году «Мейнард из Куkenойса с соратниками своими вновь собрал войско против короля Всеволода из Герцикэ. И услышал о том Всеволод и послал гонцов к литовцам. Те явились и стали ждать за Двиной. Между тем бывшие с Мейнардом, не зная об этом, пришли и взяли Герцикэ, захватив большую добычу, коней и скот. Тут на другом берегу появились литовцы и просили дать им суда для переезда, чтобы переговорить о возобновлении мира. Вполне поверив их лживым словам, простодушные люди послали им суда, и литовцы тотчас стали переправляться, одни других перевозили, и появлялось их все больше и больше. Наконец все войско бросилось в Двину и поплыло к ним. Когда рыцари увидели эту массу врагов, они не решились дожидаться столкновения: одни спустились на корабле вниз по Двине и невредимыми вернулись в Куkenойс; другие же, возвращаясь с лэттами сухим путем, подверглись нападению литовцев с тыла, причем лэтты, видя малочисленность своих, тут же обратились в бегство.

И бились рыцари Мейнард, Иоанн и Иордан, но не могли противостоять такому огромному войску и пали наконец убитыми. И слышали об этом епископ и рижане...»

После этого эпизода Всеволод. надолго исчезает со страниц хроники Генриха. Похоже на то, что его удалось прочно поставить под контроль и в таком виде он сохранял какие-то права на часть своих земель. В хронике упоминается, о том, что когда в Ригу приехал легат римского папы в город со всех концов Ливонии стал собираться весь местный «бомонд», среди прочих был и Всеволод, король Герцики. Дальше судьбу Всеволода проследить трудно – заканчивается сама хроника. Однако потомками Всеволода из Герцике считал себя известный в Прибалтике род фон Икскуль. Считалось, что установленная документально передача в 1224 г. Всеволодом половины его владений в Герцике в лен рыцарю Конраду фон Мейендорф связана была с женитьбой этого рыцаря на дочери Всеволода. Позже, овдовев, эта последняя вышла замуж за рыцаря Иоганна фон Бардевис, родоначальника фон Икскулей...

Князь Вячко

Имя князя Вячко на страницах хроники Генриха впервые упоминается под 1205 годом – седьмым годом епископства Альберта, по которому хронист сверял свое описание. Отряд рыцарей Ордена меченосцев продвигался все ближе и ближе к владениям Вячко, сжигая по пути укрепления ливов. «Когда король Вячко из Кукенойса услышал, что пришли таким большим отрядом латинские пилигримы и поселились по соседству. всего в трех милях от него, он, добыв через гонца пропуск от епископа, отправился к нему на корабле вниз по реке. После рукопожатий и взаимных приветствий он тут же заключил с тевтонами прочный мир, который, впрочем, недолго продолжался. По заключении мира, простившись со всеми, он радостно возвратился к себе». Читая последнее предложение понимаешь, что пиаркомпания при ведении военных действий – изобретение отнюдь не вчерашнего дня. Однако Вячко некуда было деваться. С одной стороны – грозят немцы, по вере христиане, хотя раскол на Западное и Восточное христианство уже произошел. С другой – постоянные набеги литовцев, в то время еще язычников. С третьей – отсутствие какой-либо реальной помощи из Полоцка, вовлеченного в междоусобную борьбу с энергией, достойной гораздо лучшего применения. В итоге, следующий раз на страницах летописи встречаем Вячко в 1207 году в Риге на подворье епископа. Сейчас это место известно рижанам как Яня Сета.

Он практически признает епископа Альберта своим сеньором и передает ему половину своих земель и половину своего замка. Однако, очень скоро «...возник раздор между королем Кукенойса и рыцарем Даниилом из Леневадена. Этот король причинял много неприятностей людям Даниила и, несмотря на неоднократные увещания, не переставал их беспокоить. Однажды ночью слуги Даниила поднялись вместе с ним самим и быстро двинулись к замку короля. Придя на рассвете, они нашли спящими людей в замке, а стражу на валу мало бдительной. Взойдя неожиданно на вал, они захватили главное укрепление; отступавших в замок русских, как христиан, не решились убивать, но угрозив им мечами, одних обратили в бегство, других взяли в плен и связали. В том числе захватили и связали самого короля, а все имущество, бывшее в замке, снесли в одно место и тщательно охраняли. Позвали господина своего Даниила, бывшего поблизости, и он, желая выслушать совет епископа об этом деле, сообщил обо всем рижанам. Епископ вместе со всеми своими был очень огорчен и не одобрил сделанного, велел вернуть короля в его замок и возвратить ему все имущество, затем, пригласив короля к себе, с почетом принял его, подарил ему коней и много пар драгоценной одежды; во время праздника пасхи (6 апреля 1208 года) самым ласковым образом угощал его и всех его людей и, усыпив всякую вражду между ним и Даниилом, с радостью отпустил его домой.

Помня также о том, что обещал королю, когда принимал от него половину замка, епископ послал с ним двадцать человек с оружием и конями, людей

деятельных - рыцарей и балистариев, а также каменщиков, чтобы укрепить замок и защищать его от литовцев. Все их расходы и нужды он предусмотрел заранее».

Говоря другими словами, снимая пафосные моменты, следует сделать вывод, что если до этого момента Вячко сохранял самостоятельность, сейчас ему надлежало смириться с тем, что все его шаги будут контролироваться епископом, а из господина в собственном замке он превращается в пленника. И вот, со своими данными епископом помощниками-контролерами Вячко возвратился домой в Куkenойс «...веселый по внешности, но с коварным замыслом в душе. Епископ остался в Динамюндэ и, по принятому обыкновению, собирался ехать в Тевтонию для набора пилигримов на следующий год, так как те, для кого уже кончился годовой срок пилигримства, готовились возвратиться в Тевтонию и давно уже стояли в Динамюндэ, только посланный богом противный ветер не давал им отплыть». Исчерпав свой дипломатический ресурс Вячко поше ва-банк. Он «...не сомневаясь, что епископ с пилигримами уже отплыл, отлично зная также, что и в Риге осталось очень немного народу, не мог далее скрывать в душе свои вероломные козни. Посоветовавшись со своими людьми, он дождался удобного времени и дня, когда почти все тевтоны ушли на свою работу: они рубили камень во рву для постройки замка, сложив наверху на краю рва мечи и вооружение и не опасаясь короля, как своего отца и господина; вдруг прибежали слуги короля и все его люди, схватили мечи и оружие тевтонов и многих из них, без оружия и доспехов занимавшихся своим делом, перебили. Кое-кто из них бежали, не останавливаясь ни днем, ни ночью, чтобы рассказать, что случилось, и добрались наконец до Риги.

Убито было семнадцать человек, а трое спаслось бегством. Трупы убитых, бросив в Двину, послали рижанам, и те, вынув из воды тела погибших на службе божьей, благоговейно и со слезами похоронили их. После этого тот же король послал великому королю Woldemaro лучших тевтонских коней, баллисты, панцири и тому подобное, а вместе с тем просил и советовал собрать войско как можно скорее и идти брать Ригу, где, сообщал он, осталось мало народу, причем лучшие убиты им, а прочие ушли с епископом».

Великий король, а в латинском подлиннике это magnus rex – буквальная калька с русского титула великий князь. Имеется в виду великий князь полоцкий Владимир, по отношению к которому Вячко был просто князем – rex, или, как подчас уничижительно пишет Генрих, князьком - regulus. Владимир начал было собирать войско, но оказалось, что из-за неблагоприятного ветра крестonosцы, которые уже «оттянули» свою годовую вахту пребывания в Ливонии и должны уже были подплывать к германским берегам, все еще в Ливонии и готовы к бою. Это быстро охладило воинственный настрой Владимира и поход сошел на нет так и не начавшись.

Как пишет Генрих, «Когда русские услышали, что тевтоны и ливы собрались в Риге, они, боясь за себя и за свой замок, зная, что поступили дурно, и не смея дожидаться прихода рижан в замке, собрали свое имущество, поделили между

собой коней и оружие тевтонов, подожгли замок Кукенойс и побежали каждый своей дорогой. Лэтигаллы и селы, жившие там, скрылись в темные лесные тущобы, а не раз упоминавшийся король, зная за собой злое дело, ушел в Руссию, чтобы никогда больше не возвращаться в свое королевство» А в это время в Риге «... Узнав о сожжении замка Кукенойс и бегстве русских, послали кое-кого преследовать их. Среди них Мейнард и некоторые другие из слуг епископа догнали беглецов, немало их нашли по лесам и болотам, а именно лэтигаллов и селов, данников короля, единомышленников и сотрудников его в измене и убийстве тевтонов, захватили и некоторых русских, взяли добычу и имущество их, а также отняли назад и кое-какое тевтонское оружие. Всех, кого нашли из числа виновных в единомыслии измене, предали по заслугам жестокой смерти и истребили изменников в той области».

Последний раз встречаем Вячко в 1224 году в землях Новгорода. На новгородском княжении сидел Всеволод Юрьевич, почти младенец, а новгородцам нужно было отбиваться от Литвы, рыцарей и удержать за собой основанный еще Ярославом Мудрым Юрьев, на который уже положили глаз крестоносцы. В этих условиях Юрьев был передан в управление Вячко.

«...Новгородцы послали короля Вячко, некогда перебившего людей епископа рижского в Кукенойсе, дали ему денег и двести человек с собой, поручив господство в Дерпте (Darbeta) и других областях, какие он сумеет подчинить себе. И явился этот король с людьми своими в Дорпат, и приняли его жители замка с радостью, чтобы стать сильнее в борьбе против тевтонов, и отдали ему подати с окружающих областей...» Надо сказать, Генрих никогда позитивно о противниках Альберта не отзывается, а в одном месте он добивается особого пафоса: «И собрались в тот замок к королю все злодеи из соседних областей и Саккалы, изменники, братоубийцы, убийцы братьев-рыцарей и купцов, зачинщики злых замыслов против церкви ливонской».

Началась длительная осада, в течение которой епископы Альберт и Герман не раз пытались уговорить Вячко уйти из крепости и оставить эстов одних, обещая свободный выход из города со всем оружием и лошадьми. Но князь наотрез отказался. В конце концов начался штурм города. «Каждый спешил взойти первым ради вящей славы и чести Иисуса Христа и матери его Марии, а также чтобы и самому получить честь и награду за свой подвиг... Каждый помогал товарищу подняться в замок..., вошедшие первыми приготавливали место следующим, гоня эстов мечами и копьями с вала. Когда уже много тевтонов вошло в замок, за ними двинулись лэтты и некоторые из ливов. И тотчас стали избивать народ, и мужчин и даже некоторых женщин, не щадя никого, так что число убитых доходило уже до тысячи. Русские, оборонявшиеся дольше всего, наконец были побеждены и побежали сверху внутрь укрепления; их вытащили оттуда и перебили, всего вместе с королем около двухсот человек. Другие же из войска, окружив замок со всех сторон, не давали никому бежать. Всякий, кто, выйдя из замка, пытался пробраться наружу, попадал в их руки. Таким образом; изо всех бывших в замке мужчин остался в живых только один - вассал великого короля суздальского, посланный своим господином вместе с другими

русскими в этот замок. Братья-рыцари снабдили его потом одеждой и отправили на хорошем коне домой в Новгород и Суздаль сообщить о происшедшем его господам.

Когда все мужчины были перебиты, началось у христиан великое торжество: били в литавры, играли на свирелях и других музыкальных инструментах, потому что отомстили наконец злодеям и истребили всех вероломных, собравшихся туда из Ливонии и Эстонии.

После того собрали оружие русских, одежду, коней и всю добычу, бывшую в замке, а также оставшихся еще в живых женщин и детей, подожгли замок и на следующий день с великой радостью пошли назад в Ливонию..»

Русская летопись (Новгор. 1-я (ПСРЛ, III, стр. 39) сообщила о потере Юрьева предельно кратко. Даже мимоходом: «...Того же лета убиша князя Вячка немци в Гюргеве, а город взяша»

Согласно родословным прибалтийского дворянского рода Тизенгаузенов род Вячко полностью не пресекался. Его дочь Софья юридически будучи наследницей огромных владений была выгодной невестой. Так были заложены основы рода Тизенгаузенов. Насколько эти предания правдивы? С одной стороны, завоеватели Ливонии, нижнесаксонские выходцы редко представляли именитые дворянские фамилии и могли пытаться путем таких браков перейти в ряды высшей местной знати, а своим владениям придать привилегированное положение не завоеванных силой оружия, а наследственных. С другой стороны, очень поздние даты сохранившихся генеалогических документов (XVI-XVII св.) и отсутствие прямых более ранних подтверждений им в источниках - позволяют предположить и то, что эти «генеалогии» могли быть сочинены ко времени русских походов Ивана Грозного, чтобы правам соответствующих фамилий придать характер исконный и наследственно-княжеский.

Приложение

О скульптурной композиции: «Князь Вячко и старейшина Меэлис, отдавшие свои жизни при обороне Тарту в 1224 году».

Официальное название скульптурной композиции: «Князь Вячко и старейшина Меэлис, отдавшие свои жизни при обороне Тарту в 1224 году». Памятник не включён в официальные путеводители и туристические маршруты. Его автором стал эстонский скульптор Олав Мянни. Окончательная версия скульптуры была отлита из бронзы в 1956 году. Изначально он был установлен в таллинском парке Кадриорг, однако в 1980 году скульптура передана городу Тарту в честь 950-летия со дня его основания. С тех пор памятник стоит на холме Касситооме, скрытый от глаз прохожих за густой листвой деревьев. В 2008 году вандалы повредили памятник, спилив меч, который держал в руке князь Вячко.

